

Историческое событие глазами участников и наблюдателей¹

Аннотация

В статье анализируются особенности восприятия событий, происходивших в Луганске весной–летом 2014 года, наблюдателями и участниками этих событий. Исследование проводилось методом глубинного интервьюирования. Анализ результатов позволил сделать следующие выводы. Происходящее воспринимается как единое целое: либо как одно событие, либо как цепь связанных событий. Основным фактором конституирования целостности событийной цепи является единство замысла, плана, осуществленного в социальной реальности. Искажение хронологических параметров события наблюдается примерно в половине случаев. Более существенно сквозь оптику происходящих событий трансформируется “большое” время истории и жизненной судьбы. В большинстве случаев события радикализируют сознание акторов, делают его более категоричным. Социальное окружение разделяется на “наших” и “не наших”. В подавляющем большинстве случаев события воспринимаются негативно. Динамика ожиданий колеблется от надежды до разочарования и, в отдельных случаях, до фрустрации. События деформируют повседневную жизнь инсайдеров, побуждают “спрятаться”, оправдывая свою пассивность погруженностью в семейно-бытовые проблемы. Подавляющее большинство респондентов избегают рефлексии чувства вины. Выявлена определенная противоречивость сознания акторов в понимании соотношения предопределенности и случайностей в ходе событий. Признавая трудность различения правды и лжи в современных информационных потоках, более половины респондентов настаивают на принципиальной возможности такого различения. Осознание манипулятивного характера современных СМИ приводит некоторых респондентов к гиперкритицизму в восприятии событий даже на уровне личных наблюдений.

¹ Автор выражает благодарность профессору А.В.Яковенко за существенную помощь в работе над статьей.

Ключевые слова: событие, время, радикализация, фрустрация, рефлексия вины, случайность, информация, повседневность, Луганск

Автору этих строк пришлось наблюдать за целым рядом эпизодов, происходивших в Луганске весной и летом 2014 года, и во многом, как теперь ясно, определивших нынешнюю канву сложных и драматических трансформаций. Именно тогда и возникла идея попытаться хоть как-то “запечатлеть” происходящее в оценках и мнениях тех, кто также наблюдает бурное течение социальной, политической, а затем и военно-политической событийности или непосредственно участвует в том, что впоследствии будет считаться некими рубиконами, историческими вехами.

Несмотря на целый ряд сложностей эмоционального, коммуникативно-го, политического, экономического и иных порядков, автору лично удалось провести 30 глубинных интервью среди луганчан, которые либо считают себя активными наблюдателями событий весны — лета 2014-го, либо же были их непосредственными участниками.

С определенной долей условности это можно было бы считать также и экспертным опросом, поскольку большинство респондентов — лица достаточно компетентные в социально-политической проблематике, имеют соответствующий уровень образования и, безусловно, отслеживали за последние годы развитие внутренних и международных процессов.

Не претендуя на значительную степень представительности результатов, тем не менее, полагаю, что будет значимо обрисовать некий обобщенный срез мнений, позиций, оценочных суждений непосредственных и равнодушных свидетелей, поскольку это позволяет:

- более качественно и содержательно рассмотреть неоднозначность, противоречивость, разноаспектность произошедшего и происходящего;
- точнее зафиксировать особенности понимания и переживаний тех, кого можно считать представителями интеллектуального класса конкретного города и даже региона;
- очертить контуры возможных последующих исследований в данном направлении.

Определенная ограниченность эмпирической базы сыграла в данном случае положительную роль, поскольку позволила удержаться от соблазна делать какие-то узкогрупповые выводы и вынудила, напротив, искать общие акценты при выражении даже, казалось бы, полярных точек зрения. Возможно, что и с позиций научности и установок на гуманизацию общественных отношений наиболее важно видеть консенсусные платформы “наблюдателей” и “участников”, “радикалов” и “умеренных”, “идейных” и “безыдейных” и т.д.

Осуществленный анализ позволяет, как представляется, выявить определенные закономерности как в восприятии события, так и в самом протекании события в качестве онтологического феномена исторического процесса.

Объектом исследования является сознание луганчан, которые с апреля по август 2014 года либо наблюдали происходившие в Луганске события, либо непосредственно участвовали в них. Нужно сказать, что не все респон-

денты постоянно находились в Луганске на протяжении указанного периода. Некоторые из них эпизодически выезжали из города и возвращались обратно. Ряд респондентов выехали из Луганска в конце мая, в июне или июле и более не возвращались в город. Тем не менее их восприятие происходивших весной в Луганске событий мы считаем релевантным, поскольку все они были в Луганске в апреле 2014 года. Именно в этот период происходил захват здания областного управления СБУ. Данное событие можно считать отправной точкой последовавшей цепи событий и изначальным фактом восприятия этих событий респондентами.

Предметом исследования являются особенности восприятия события его участниками и наблюдателями.

Методом исследования послужило глубинное интервьюирование. Была разработана анкета, включающая 27 вопросов (все вопросы открытые). С января по декабрь 2015-го было опрошено 30 респондентов. Из тридцати респондентов 22 посчитали себя наблюдателями, 8 — участниками событий.

Под *историческим событием* мы будем понимать *изменение социальной реальности, произошедшее благодаря действию индивидуального или группового актора и обладающее относительной самостоятельностью, целостностью и значимостью для хода исторического процесса.*

Вопросы анкеты и, соответственно, полученные результаты можно распределить по следующим смысловым блокам. Прежде всего нас интересовало, насколько целостным (единым) воспринимается событие. Представляло интерес восприятие респондентами временных параметров события и “социального пространства” события. Следующий блок вопросов был направлен на выяснение эмоционально-ценностного отношения к событию и, в частности, динамики ожиданий и реальных результатов события. Третий смысловой блок предполагал выяснение понимания респондентами соотношения субъективных и объективных факторов в событии, а также выяснение зависимости этого понимания от степени вовлеченности респондента в событие. Из этого блока вытекали вопросы, связанные с пониманием роли случайностей в событии. Отдельный блок представляли собой вопросы, связанные с оценкой влияния информации о событиях на их восприятие, в том числе — с оценкой способности респондента отличать адекватную информацию от дезинформации. Заключительный смысловой блок предполагал выяснение влияния события на повседневную жизнь респондентов.

Восприятие целостности события. Практически все респонденты воспринимают события весны — лета 2014-го как единое целое. 20 респондентов уверенно квалифицировали происходившее как цепь взаимосвязанных событий. Лишь один респондент высказал мнение, что “это разные события”.

Для значительного числа респондентов единство этой цепи обусловлено единством замысла, плана. Конституирующую роль плана подчеркнули 12 респондентов: “все было заранее продумано”; “было видно, что это план, все продумано, плавно, результативно сделано; если бы это была хаотическая вспышка, она бы не имела такой последовательности”; “это руководилось по определенному плану”; “именно наличие общего плана создает взаимосвязь событий”.

В то же время некоторые респонденты, оценивающие произошедшее как цепь событий, отмечали важность иных оснований ее целостности. Так, подчеркивалась важность объективной каузальности в конституировании

единства цепи событий: “это цепь взаимосвязанных событий”, но “каждое звено имеет суверенную каузальную силу”. Акцентировалось внимание на важности первого звена в обеспечении целостности последующей цепи событий: “Начиная с СБУ, первое звено. Пропади оно — и дальше можно было бы начинать совершенно другой отсчет времени”.

Особую значимость представляет собой точка зрения “колеблющихся”. Некоторые респонденты осознают зависимость оценки “одно событие” и “цепь событий” от положения наблюдателя на временной шкале относительно события и от, так сказать, “пристальности” его взгляда. Так, отмечается: “Все зависит от оптики наблюдателя. Можно рассматривать случившееся как одно событие. ...А можно — как цепь взаимосвязанных событий”. Один из участников полагает, что эти варианты понимания происходящего обусловлены точкой зрения интерпретатора, которая определяется следующими факторами: “Во-первых, это временные рамки. Во-вторых, наблюдатель или участвующий в событиях может выделить подробности. Человек, который видит это через сто лет, будет видеть только конечный результат. То есть он будет видеть эту территорию в таком состоянии, в котором она находится в этот миг, и он будет понимать, что это состояние стало результатом войны. А мы-то смотрим на это в развитии. На данный момент финала какого-то более-менее нет — поэтому и такая разница”.

Проблеме восприятия времени посвящена обширная литература. Не потеряло научной актуальности исследование различий хронологического и психологического времени, осуществленное Е. Головахой и А. Кроником в начале 80-х годов прошлого века. В целом результаты нашего опроса подтверждают стержневую мысль указанного исследования о решающей роли социальных детерминант в формировании отношения личности ко времени [Головаха, Кроник, 1984: с. 4–5].

На мой взгляд, результаты, полученные при исследовании восприятия времени наблюдателями и участниками событий, довольно показательны. Здесь интерес представляют два смысловых пласта: восприятие акторами прошлого, настоящего и будущего, а также восприятие времени в драматичные моменты события. В последнем аспекте имеется в виду феномен искажения времени (сжатие, растяжение, убыстрение, замедление) в эпицентре интенсивной событийности.

Что касается первого аспекта, то, разумеется, “зарезо событий” бросало свои блики на будущее в гораздо большей степени, чем на прошлое.

По отношению к будущему в ответах респондентов на момент проведения опроса преобладали такие настроения, как беспокойство, тревога, страх и подобные негативные эмоции. Типичные ответы: “прошлое воспринималось как нечто спокойное; будущее — с тревогой, даже думалось, а будет ли будущее?”; “прошлое уже кануло в Лету, настоящее мерзко, от будущего ничего хорошего не жду”. Смягченным вариантом подобных настроений представляются ответы, уходящие от определенных оценок будущего: “прошлое не вернешь... будущего я пока не вижу. Хорошего будущего я не вижу” (это уточнение весьма показательно). Это “бегство от будущего” автор склонен трактовать как сознательное или подсознательное стремление не думать о негативных, но неизбежно надвигающихся следствиях происходящих событий, нечто вроде иллюзорной защиты, сродни тому, как человек старается не думать о смерти.

В ряде ответов мы видим, что события в некоторой степени меняют и восприятие прошлого. Гораздо более яркие изменения зафиксированы в следующих ответах: “общее восприятие времени постоянно изменялось как иррационально-неправдоподобное возвращение в прошлое”; “было ощущение, что мы вернулись в семнадцатый год, как бы “столетию Октябрьской революции посвящается”. Я ощутила себя представителем интеллигенции дореволюционной России”.

В целом восемь респондентов достаточно уверенно отметили изменение в восприятии времени. Семеро респондентов проявили колебания, отвечая на данный вопрос. Из числа фиксировавших искажение трое отмечали, что изменение восприятия времени произошло *postfactum*: “Сказать, что в то время было какое-то ощущение деформации времени, не могу. Но впоследствии, сейчас, например, все то время как бы сливается в какой-то краткий спрессованный период”. (Это — ощущение респондента, значительную часть времени прятывшегося в подвалах; ср.: “не заполненный событиями интервал времени в настоящем тянется медленно, но когда он уходит в прошлое, то кажется мгновенно промелькнувшим” [Головаха, Кроник, 1984: с. 46]). “Чувство времени как бы спрессовывается, и большая часть, даже, может быть, месяцы, выпадает, остаются в памяти два-три дня, которые изменили... [ход событий. — А.Е.]”.

Из восьми респондентов, фиксировавших изменения восприятия времени, трое отметили замедление времени при экстремальных негативных событиях. Двое респондентов полагают, что в экстремальных эпизодах время иногда сжимается, иногда растягивается. Двое респондентов отметили сжатие (ускорение) времени как при негативных, так и при позитивных эпизодах интенсивной событийности.

Звучали и вполне хрестоматийные формулировки: “Вся жизнь прошла перед глазами, и прощения успел попросить у всех, кого обидел даже просто одним словом”. Здесь наблюдаем классический случай совмещения ситуативного и биографического масштабов в критической жизненной ситуации, “когда в переживании нескольких минут или часов укладывается время всей человеческой жизни” [Головаха, Кроник, 1984: с. 12].

Лишь один из участников опроса дал ответ, соответствующий широко распространенному мнению относительно закономерностей искажения восприятия времени: “Как правило, если это событие негативное эмоционально, то время существенно замедляется, если это событие позитивное, то бег времени ускоряется”.

Все респонденты, отметившие изменение восприятия времени, связывают этот феномен со стрессовым состоянием актора. Однако, как видим, стресс вызывает различные изменения восприятия: либо замедление, либо ускорение, либо и замедление, и ускорение; причем не наблюдается четкой корреляции замедления и ускорения с позитивным или негативным характером эмоций актора.

Возможным объяснением выявленного феномена может послужить предположение Е.Головахи и А.Кроника о зависимости переживания напряженности времени от индивидуальной временной концепции личности: на одном полюсе — люди с динамической концепцией, в которой время оказывается сжатым, быстрым, насыщенным; на другом — люди со статической

концепцией, в которой время растянуто и пустотно [Головаха, Кроник, 1984: с. 149].

В качестве объяснения различия в восприятии времени можно предложить также следующую гипотезу. Очевидно, респонденты, которые знали о феномене измененных состояний сознания в экстремальных обстоятельствах, как правило, с большей уверенностью утверждали наличие таких состояний. Респонденты же, которые не знали об указанном феномене, либо отрицали наличие таких состояний, либо колебались в ответах. Разумеется, предложенная гипотеза требует детальной экспериментальной проверки.

В целом анализ особенностей восприятия времени акторами, находящимися в эпицентре событий, приводит к следующему выводу, выходящему из области социальной психологии в сферу философии истории. В литературе нередко подчеркивается значимость соотношения “большой” истории и “малой” повседневности для осмысления человеком смысла своей судьбы. Отмечается, что “осознание исторического масштаба своей жизни расширяет временной кругозор личности”, формирует “переживание культурно-исторической значимости собственных идей, действий, поступков” [Головаха, Кроник, 1984: с. 162]. Говоря абстрактно, это, конечно, верно. Но когда негативное историческое событие (а *любое* историческое событие порождает более или менее сильные *негативные коннотации* — теперь я настаиваю на этом) происходит в непосредственной близости от судьбы человека, ценность “большой” истории, значительной временной перспективы снижается, даже нивелируется. Особую значимость приобретают либо “мелочи”, которые происходят сейчас, либо ностальгические воспоминания о приукрашенном прошлом.

Эмоционально-ценностное отношение к событию. Подавляющее большинство респондентов с самого начала оценивало события как негативные, а по мере развития событий степень их негации усиливалась. Двое респондентов недооценили серьезный характер событий, они воспринимали захват здания СБУ иронично, происходящее казалось им какой-то игрой, клоунадой: “Сразу я не поняла масштабов события. ... Кто-то сказал, что будет война, я посмеялась. ... Здание было захвачено, но для меня это было всего лишь очередным мирным митингом”; “Вначале всерьез не восприняла, восприняла как шоу. Клоуны решили поиграть...”

В ответах респондентов, негативно оценивавших происходящее, преобладали такие характеристики своих эмоциональных состояний: “тревога за судьбу города; в мае — июне была надежда на ... решение конфликта мирным путем; в июле пришло осознание того, что ничем хорошим это не закончится”; “тревожность в дальнейшем сменилась чувством управляемости и злой воли”; “тревога нарастала, и возникало ощущение, что это события многомерные, они имеют несколько уровней осмысления”.

25 респондентов с самого начала не ожидали от событий ничего хорошего; в ходе развития событий их опасения лишь подтвердились и усилились, при этом двое респондентов обнаружили в событиях и элементы позитивного содержания. Впрочем, “позитив”, который в них усматривался, относится к абстрактным рассуждениям, переходящим в область философии истории: “Я могу найти положительные стороны в том неприятном и негативном процессе, который имеет место на сегодняшний день. Например, всякая война приводит к развитию технологий, к большей определенности в об-

ществе”. Позицию некоторых акторов можно обозначить как “чума на оба ваши дома”. В качестве примера можно привести следующее мнение: “Вот, пожалуйста: человек преклонного возраста всю свою сознательную жизнь трудился на благо страны, не занимался политикой, растил детей, как говорит, не выдвигался, не привлекался. ... В его дом попадает снаряд, не имеет значения, чей и с какой стороны. И на старости лет человек остается без крова над головой и без каких-либо средств на существование. ... И что он должен сказать? “Спасибо, господа президенты”. Что-то я сильно сомневаюсь, что можно будет от него такое услышать”.

Общий эмоциональный настрой, прозвучавший в ответах наших респондентов, вполне вписывается в результаты всеукраинского опроса, проведенного в конце июля 2014 года Украинским институтом социальных исследований совместно с Институтом экономики и прогнозирования НАН Украины. Согласно данным указанного исследования, около 60% опрошенных находились в состоянии неопределенности относительно событий на Донбассе, не понимали или не вполне понимали смысл происходящего. Указанные факторы порождали чувство неуверенности, тревожности [Балакірева, Дмитрук, 2014: с. 136].

Практически все акторы опасались ухудшения ситуации, и все отмечают, что их опасения сбылись. Наиболее часто в ответах респондентов относительно опасений звучали такие формулировки: “опасалась за жизнь близких”; “боялся за семью, за детей”; “опасался, что будет хуже”; “животный страх под бомбежками”. Опасения некоторых акторов выходят за рамки их личного и семейного жизненного мира. В частности, высказывались опасения “приднестровского сценария”: того, что “город будет стерт с лица земли”; “что у меня заберут мою родину”. В опасения некоторых респондентов вплетается стремление понять неприятную для них суть происходящего: “опасался полного хаоса, но он оказался управляемый”; “такое чувство, что это все кому-то очень нравится”; “если конфликт затягивается, значит кому-то это нужно”.

Если опасения респондентов более чем сбылись, то, соответственно, ожидания не сбылись. Здесь наблюдаем явно выраженную фрустрацию. Вот характерные варианты ответов относительно ожиданий: “ожидала, что это просто заварушка, которая быстро прекратится”; “ожидал, что все это быстро закончится, что власти удастся быстро с этим справиться”; “я ожидала более быстрого разрешения этих событий и более мирного разрешения... Изменились мои ожидания, потому что я вижу, что никакого близкого разрешения этого конфликта не предвидится и что конфликт как минимум на годы”.

Любопытно, что немало акторов весной и даже летом 2014-го надеялись на быстрое разрешение конфликта. Здесь жители Донбасса не оригинальны: в конце июля 2014-го большинство украинцев полагали, что конфликт не будет длительным. Около 60% считали, что он продлится не более полугода, 21,6% отводили конфликту один–два месяца [Балакірева, Дмитрук, 2014: с. 128]. В ходе нашего опроса такие ожидания прозвучали в ответах десяти респондентов. Моментом крушения надежд или, по крайней мере, разочарования является конец лета — начало осени 2014-го.

На мой взгляд, особый интерес представляет одно из размышлений о динамике надежд и разочарований. В нем можно усмотреть переход от социальной психологии к метафизическим глубинам человеческого Я: “Я до сих пор

убежден, что если бы с обеих сторон под напором эмоционального возбуждения не принимались некие решения, еще более накалявшие ситуацию, то еще в самом начале это могло бы завершиться более мягкими вещами, и, возможно, такого конфликта не было бы. ... Я еще более убеждаюсь, что каждый думающий человек должен быть готовым к большим дозам истины”.

Большинство акторов отмечают изменение отношений с родственниками, друзьями и знакомыми в связи с происходящим, нередко довольно радикальное. Также наблюдается изменение отношения к местной и киевской властям, к другим странам, особенно к России. “Война подорвала привлекательность России как возможного вектора интеграции, сделала “реванш” пророссийских сил в Украине невозможным без фундаментальных социально-политических потрясений” [Порядок и хаос, 2016: с. 77]. Подтверждением данного тезиса могут служить высказывания некоторых респондентов: “Раньше Россия рассматривалась как братское государство, братья-славяне, единые корни, общие интересы, родственники, связи и т. д. Сегодня, к сожалению, это отношение изменилось в сторону отчуждения”. “Россия стала вызывать мое раздражение в разных аспектах. Меня даже стали раздражать российские товары, российская музыка. ... Мне раньше нравился российский спецназ, я любила фильмы о войне, о подготовке российского спецназа. ... Но после того как все это стало происходить в непосредственной близости от меня, я, естественно, разлюбила российский спецназ”.

Сознание большинства акторов радикализировалось, они стали более нетерпимыми и категоричными. 18 респондентов полагают, что луганские события сделали их более категоричными. Четверо респондентов отрицают возрастание категоричности, а шестеро отмечают, что стали более толерантными: “стараюсь быть более терпимым и терпеливым. Надо оставаться человеком”; “стал менее категоричным и стараюсь учитывать мнение каждого, понять его аргументацию”.

Радикализация сознания и поляризация оценок, как уже отмечалось, приводит к разрыву устойчивых социальных связей, в том числе родственных. Такой разрыв констатируют двадцать респондентов, семеро отмечают отсутствие разрыва, ответы двоих неопределенны, и лишь один констатирует улучшение отношений с родственниками.

Некоторые респонденты пытаются объяснить разрыв отношений, стремятся понять, возможно, в некоторой степени оправдать поведение тех, кто “по ту сторону баррикад”. “Многие из знакомых оказались по ту сторону баррикад. С ними отношения изменились. То есть они видели в этих событиях перспективу самореализации... в том числе и для устройства личной жизни”.

Своеобразный вариант разрыва/сближения социальных связей находим в следующем ответе: “Еще более сблизился с самостоятельно мыслящими людьми. Отдалился от мыслящих примитивно (простецов), независимо от их формального образовательного ценза и социального статуса”.

Можно сказать, что общую позицию практически всех респондентов выражает краткий ответ: “Отношение изменилось ко всем абсолютно. Больше негатива от всех их”.

Субъективные и объективные факторы события. Вовлеченность в событие. Как уже указывалось, из тридцати опрошенных нами респондентов 22 являются наблюдателями, 8 — участниками. Грань между наблюдателями и участниками мы установили таким образом: под *участием* подразуме-

валась какая-либо позиция актора в структуре события или событийной цепи, предполагающая с его стороны хотя бы минимальное волевое усилие, выразившееся в действии, направленном на изменение сложившейся ситуации. Минимальная степень участия — одно действие, максимальная — постоянная деятельность.

Полагаю, явная диспропорция в количестве наблюдателей и участников среди респондентов сама по себе показательна и в некоторой мере отражает особенности луганской ментальности довоенного и военного времени. Среди луганских “эмигрантов” (то есть людей, в определенной степени ангажированных) было не так-то просто найти участников событий.

Основные варианты оправдания своего бездействия у респондентов таковы (здесь сумма ответов может превышать 22, поскольку некоторые респонденты указывают две причины): возраст или состояние здоровья; погруженность в семейные дела; служебное положение; неприязнь ко всякого рода деструктивным действиям; понимание бессмысленности какого-либо действия, нежелание быть марионеткой; “я по натуре наблюдатель”. Трое респондентов оставили этот вопрос без комментария.

Встречались довольно яркие ответы, иногда экспрессивные, иногда рефлексивные: “хотелось бы умереть своей смертью у себя в постели”; “вначале... я надеялся, что разум возобладает, мы все-таки в начале XXI века... затем уже было поздно о чем-то говорить”; “сказать, что не участвовала нельзя, потому что в качестве наблюдателя я приходила на митинги и туда, и туда”. В последнем ответе отметим осознание актором невозможности полностью созерцательной позиции в социальной жизни. Строго говоря, не участвовать в социальных процессах, в которые ты вовлечен, нельзя. Наблюдение — тоже участие.

Что касается участников событий, то варианты объяснения ими своих мотиваций таковы: желание остановить беспредел; осознанное стремление к реализации определенного геополитического выбора. Некоторые акторы просто ограничиваются констатацией своей активности, без какого бы то ни было обоснования. Видимо, социальная активность органична для них. Наиболее яркую формулировку находим в ответе: “да я не знаю как по-другому себя повести”. Приведу также сильное и экзистенциально насыщенное обоснование своего поведения: “Для меня родина — это как девушка. Предположим, вы идете по улице с вашей девушкой. Если даже она не очень хорошая, не очень красивая, может, она вас в чем-то разочаровала, но это ваша девушка. И если на нее нападут хулиганы, вы должны ее защищать, несмотря ни на что”.

Ряд респондентов подчеркивали, что степень их участия в событиях менялась в зависимости от обстановки, а именно: интенсивность действий противоположной стороны вызывала повышение их собственной активности: “Любое действие рождает противодействие. Чем больше выставляли против нас, тем больше действовали мы”; “По мере расширения, экспансии событий я принимал все более активное участие в них. В общем мое участие в событиях усиливалось вместе с усилением интенсивности и размаха событий”.

Данные ответы требуют более глубокого осмысления. Возможно, здесь просматривается следующая закономерность: у социально активных акторов сила противодействия возрастает пропорционально силе событийного воздействия, а у социально пассивных — уменьшается пропорционально

силе воздействия. Разумеется, подтверждение или опровержение высказанной гипотезы требует отдельного исследования.

8 респондентов полагают, что от действий акторов, в том числе от их собственных, ход событий не зависел или зависел в ничтожной степени. Они возлагают ответственность за ход событий на руководство областью и страной — на их действия и бездействие.

Некоторые респонденты высказывали особое мнение о детерминирующих факторах событий, в частности, что ход событий в значительной мере зависел от “финансовых вливаний”, иностранных государств и от олигархов; говорилось о “растопыивании” роли личности в истории в ходе луганских событий”. Особый интерес представляет точка зрения, согласно которой: “произошла полная дискредитация цивилизованных технологий разрешения конфликтов на первоначальном этапе и на самом высоком уровне. Это привело к резкой эскалации конфликтных событий на местах”.

В целом для наблюдателей событий более характерно подчеркивание, так сказать, “непреодолимости” объективных (в смысле не зависящих от них) факторов событийности. Участники же понимают, что ход событий в значительной мере зависит от действий акторов, в том числе — от их собственных действий. Следовательно, если бы они действовали иначе, особенно в начале цепи событий, то последующие звенья этой цепи могли бы сложиться совершенно иначе. Наблюдателям же свойственно стремление к самооправданию, они обосновывают свою пассивность убеждением в собственном бессилии перед внешними факторами событийности.

Интересно, что лишь трое респондентов испытывают чувство вины за случившееся (двое из них являются участниками событий, один — наблюдателем). Каждый из них полагает, что именно он лично не сделал все возможное для предотвращения нежелательного развития событий.

Как показывают данные социологического мониторинга, проводившегося Институтом социологии НАН Украины в начале 2016 года, 55% жителей Украины не считают, что они несут малейшую ответственность за сложившуюся в стране ситуацию. Частичную ответственность за происходящее соглашается взять на себя около 30% респондентов [Порядок и хаос, 2016: с. 74]. Таким образом, сложилось впечатление (возможно ошибочное), что жители Донбасса в еще большей степени склонны отрицать, причем весьма категорично, свою ответственность.

Думается, что отсутствие рефлексии личной вины среди наблюдателей событий является интересным социально-психологическим феноменом. Здесь необходимы дальнейшие исследования, призванные, в частности, выявить, насколько это отсутствие рефлексии оказывается естественным процессом, обусловленным подсознательными механизмами психики, а насколько — искусственным, сознательно воздвигаемым экраном самозащиты.

Роль случайностей в событиях. Этот смысловой блок тесно связан с предыдущим. Особенно это касается вопроса о соотношении объективных и субъективных факторов событий и вопроса о предопределенности событий.

Позицию пятнадцати респондентов по вопросу предопределенности можно обозначить как “скорее да, чем нет”; один полагает, что “скорее нет, чем да”. Четверо респондентов оценивают ход событий и их результаты как предопределенные. Четверо респондентов отрицают предопределенность, при этом ответы двоих из них несколько противоречивы. Шестеро респон-

дентов затруднились с ответом на данный вопрос или ушли от ответа. Не просматривается существенного различия в оценках предопределенности событий между наблюдателями и участниками событий.

Двое из четырех респондентов, отрицающих предопределенность событий, делают оговорки, снижающие категоричность их ответов. В одном случае указывается: “события были не предопределены, но предсказуемы”. В другом респондент сам фиксирует противоречивость своей позиции. С одной стороны, указывается, “что человек имеет возможность влиять на те события, которые происходят вокруг него и участником которых является он сам”. С другой стороны, происходит самоидентификация в качестве фаталиста.

По вопросу о роли случайностей респонденты проявили завидное единодушие, пожалуй, наибольшее в сопоставлении с ответами на прочие вопросы. Лишь двое оценили роль случайностей как “большую” и “очень высокую”, причем один из них — наблюдатель, второй — участник событий. Большинство опрошенных (21 респондент) либо полагают, что роль случайностей “очень невелика”, либо в принципе отрицают роль случайностей. Последнюю точку зрения высказали 8 человек, либо в нейтральных формулировках (“нулевая”, “стремится к нулю”), либо в достаточно экспрессивных (“никаких случайностей”, “случайностей не бывает”). Позицию пятерых акторов можно обозначить как особое мнение; двое затруднились ответить.

В данном вопросе также не просматривается существенного различия в оценках между наблюдателями и участниками событий.

Можно заметить элементы некоторой противоречивости сознания акторов при сопоставлении их ответов относительно предопределенности событий, роли случайности и субъективного фактора. Интересно, что эта противоречивость в гораздо большей степени свойственна участникам, чем наблюдателям.

Например, с одной стороны, один из участников событий довольно резко отрицает предопределенность событий, с другой — не менее категорически отрицает роль случайностей: “случайностей там абсолютно не было”. Еще в ряде ответов признается изначальная предопределенность событий. В то же время роль случайностей оценивается как “очень высокая”. Хотя, казалось бы, высокая вероятность случайностей уничтожает предопределенность. Возможно, это противоречие можно разрешить таким образом: респондент настаивает на предопределенности именно начала событий, но не их последующего развития.

Скорее всего, под предопределенностью в таком случае подразумевается высокая степень подготовленности. Дальнейший же ход событий в определенной мере зависит от действий акторов. В пользу такой трактовки говорит следующее объяснение роли случайностей участником опроса: “Когда общество или социальная группа перестает в своих взаимоотношениях руководствоваться какими-то правилами, то случайности возрастают”.

Значительно большую степень противоречивости находим в оценках предопределенности и случайностей в ходе событий у участников: четверо дали противоречивые ответы, причем трое — достаточно явно двойственные. В то же время среди наблюдателей лишь один дал противоречивый ответ.

Можно предложить следующую гипотезу для объяснения большей противоречивости сознания участников по сравнению с наблюдателями, что касается соотношения предопределенности, случайности и действий

субъектов в событиях. Наблюдатель — всего лишь наблюдатель. Он отстранен от событий и не чувствует ответственности за их исход. (Мы помним, что всего лишь один наблюдатель ощущает чувство вины за свою недостаточную активность.) Участник же причастен к событиям. Если он боролся на проигравшей стороне, ему нужно как-то объяснить, оправдать, обосновать поражение. Участвуя в событиях, он совершенно явно видит, что от его действий, от действий его соратников кое-что зависит. Но в итоге их усилия не венчает успех. Тогда в качестве обоснования неудачи возникает мотив непреодолимой силы обстоятельств, предопределенности, если угодно, судьбы. Разумеется, высказанная гипотеза требует верификации.

Роль информации и дезинформации в восприятии события. Как отмечают специалисты Института стратегических исследований “Новая Украина”: “Особенную роль в ситуации “замороженного конфликта” сыграли СМИ всех его сторон, сформировавшие и закрепившие в общественном сознании “язык войны”” [Порядок и хаос, 2016: с. 74]. Данные нашего исследования полностью подтверждают эту оценку. Если бы потребовалось кратко, но емко охарактеризовать влияние как российских, так и украинских СМИ на ход конфликта, я бы выбрал следующие эпитеты: “зловещее”, “разрушительное”, “убийственное”.

В качестве основного источника информации о политической жизни региона, Украины и о международной обстановке респонденты называли интернет (21), телевидение (10), СМИ (5) (без дифференциации, но один из них выделил радио); 8 получают информацию, главным образом, от друзей, родственников и сотрудников, 3 респондента получают информацию лично, причем один из них предпочитает непосредственные наблюдения, а двое являются работниками информационной сферы. (Здесь сумма ответов превышает 30, поскольку можно было называть несколько источников.)

Более половины респондентов (18) признают влияние получаемой ими информации на восприятие событий, пятеро из них оценивают это влияние как существенное. Шестеро респондентов невысоко оценивают степень влияния информации, а четверо вообще отрицают такое влияние. Двое респондентов затруднились с ответами.

Для описания влияния информации респонденты чаще всего использовали такие характеристики, как: “сомнение”, “разочарование”, “раздражала”, “раздражала ложь”, “радикализировала”, “усиливала негативное восприятие”.

По вопросу о различении истинной и ложной информации ответы распределились следующим образом. Большинство респондентов (20) с достаточной уверенностью говорят, что они отличали правду от лжи; пятеро колеблются в этом различении (их формулировки: “не очень”, “не всегда”, “в некоторой степени”); трое считают, что отличить правду от лжи очень трудно и “почти невозможно”; один респондент ушел от ответа, позицию еще одного можно обозначить как особое мнение.

Различение правды и лжи происходило, главным образом, путем сопоставления информации из разных СМИ и сопоставления информации СМИ с наблюдаемыми фактами, при этом иногда подчеркивалась важность сочетания наблюдения с самостоятельным анализом.

Неоднозначные и, можно сказать, поучительные размышления о трудности различения истины и лжи находим в ответах активных участников со-

бытий: “Люди верят в самое невероятное. А если скажешь правду — люди не верят”; “Самое важное правило: не верь тому, чего сам не видел. И даже иногда не верь тому, что ты видишь”. Итак, пропагандистская ложь не всеильна. Иногда она порождает гиперкритицизм.

В одном из наиболее пронзительных ответов истина пограничной ситуации считает банальное различие правды и лжи в структуре повседневности: “Невозможно отличить правду от лжи... Когда ты сидишь под обстрелом, правда для тебя — это то, что ты находишься в опасности, а источник этой опасности для тебя не важен. Был случай, когда мы с мужем ехали в автобусе, который проезжал перекресток, где “Макдональдс”. И туда в тот момент попала мина, и нас в тот момент спас водитель... Я сидела за водителем и видела все впереди, а муж сидел позади и смотрел в окно. Он увидел, что в том месте, где собирались проходить люди, все они были мертвы. Я же увидела, что сыплются листья и падают люди... В тот момент правда тебя не радует, даже если ты отличаешь ее от лжи. В таком состоянии есть только одна правда: та, что касается твоего выживания... Не важно, отличаешь ли ты правду от лжи. Тебе в такой момент не важно, чей снаряд в тебя летит — тебе надо выжить”.

Впрочем, наш общий вывод относительно смыслового блока роли информации в восприятии событий не будет пессимистичным. *Информационная война сокрушительна, но не всеильна. Воздействие высокопрофессиональной манипулятивной пропаганды на человеческое сознание весьма деструктивно, но не смертельно. Упорство человеческого разума способно превозмогнуть самую изощренную пропаганду.*

Событие и повседневная жизнь. Мир событийности обычно противопоставляется миру повседневности. Даже в повседневном течении жизни событие — это то, что “выпирает” из ее гладкого течения, то, что нарушает ее размеренный ход. Не только в обывательском, но и в сознании гуманистов новейшего времени историческая событийность воспринимается как нечто угрожающее ценностям “маленького человека”, враждебное повседневным заботам “простых хороших людей” и даже несущее гибель.

В отношении луганских событий это, несомненно, верно. Думается, что это будет верно и относительно прочих событий “большой” истории. Луганские события побуждают позитивно отнестись к интенциям дегероизации истории. Можно констатировать, что непосредственная близость к историческим событиям изменила мировоззрение автора этих строк не в меньшей мере, чем мировоззрение его земляков.

Тема “событие и повседневность” весьма обширна, и автор, разумеется, не претендует на ее всесторонний анализ и сосредоточивает свое внимание на трех аспектах этой темы: влияние событий на темы разговоров, влияние событий на восприятие погоды и влияние событий на интимную жизнь актеров.

События, несомненно, определяли тематику повседневных разговоров. Во время и после событий большинство респондентов (21) говорили в основном о политике, в том числе у восемнадцати из них темы разговоров концентрировались вокруг событий, причем пятеро из этих восемнадцати в основном обсуждали конкретные способы решения проблем, заданных событием. Типичные ответы здесь такие: говорили “о событиях и прогнозах на будущее”, “о возможности прекращения конфликта”, “о неправильной политике”, “бурно обсуждались события”.

Темы разговоров десяти акторов концентрировались вокруг семьи и близких: их судеб, будущего и прошлого. Типичные ответы здесь такие: “о судьбе и о будущем близких”, “старалась не говорить то, что могло повредить мне и семье”, “о приятных мелочах в прошлом”. Последний вариант интересен тем, что он обнаруживает стремление акторов отвлечься от событий, как-то дистанцироваться от их ужасающей реальности, например: “старались отвлекаться от этих событий”. В целом настроения респондентов можно считать вариантом “настроенный ежедневного выживания”, наличие которых констатируют современные украинские социологи. Нежелание и отсутствие возможности говорить и думать о будущем приводит к сужению горизонта осмысленного социального взаимодействия до рамок ближайшего семейного или соседского окружения [Порядок и хаос, 2016: с. 81].

Вопрос о погоде мы сформулировали в связи со значительным влиянием погодных условий на события мировой истории, в особенности на батальные и связанные с массовыми действиями акторов (битвы, начиная с древнего мира и вплоть до XIX века; ливень у здания парижской ратуши 27 июля 1794 года во время Термидорианского переворота).

Данные нашего опроса позволяют констатировать явную тенденцию снижения влияния погодных условий на ход событий, по крайней мере, снижение их влияния на восприятие событий. Семнадцать респондентов утверждают, что погода никак не влияла на восприятие событий, при этом они помнят, какая была погода. Для двоих респондентов погода настолько не важна, что они даже не помнят, какой она была весной — летом 2014-го.

Девять респондентов отмечают влияние погоды на восприятие событий. При этом двое из них уточняют, что это влияние было чисто физиологическим, главным образом связанным с нехваткой воды при жаре: “Хорошо помню ужасающую жару под 50 градусов — и ни капли воды в городе. И как по этой жаре приходилось под обстрелами артиллерии ходить по воду за три километра”.

Шестеро респондентов говорят о психологическом воздействии погоды: “Погода усугубляла мое восприятие событий”; “в апреле, мае и июне была очень дождливая погода [насколько я помню, это не так. — А.Е.] ... нагнало тоску и горечь”. Особенно яркий ответ приведем развернуто: “Во время дождя не стреляли, под его покровом царил тишина, царил покой. Однако когда шел дождь, я не могла отделаться от навязчивой мысли о том, что природа оплакивает погибших людей и глупцов, развязавших войну”.

У одного респондента, отличающегося повышенной религиозностью, находим особое мнение, весьма яркое и необычное: “Холодная, с сильным шквальным ветром и обложными дождями, погода явно была против и предрекала людям слезы и скорби”. Со всей ответственностью можно утверждать: лето 2014-го было одним из самых жарких и засушливых в Луганске за последние лет двадцать. Правда, через год, 25 июня 2015 года на Луганск действительно налетел кратковременный шквальный ветер. Он согнул крест на соборе св. Петра и Павла в Каменном броде, а также повалил аллею голубых елей перед фасадом здания СБУ. Разумеется, желающие могут усмотреть в этом шквале мистический смысл, но он случился намного позже событий 2014 года. Тогда уже действовало перемирие, город не обстреливали, горожане возвращались к мирной жизни. Думается, подобного рода “воспоминания” являются еще одним доказательством поразительной субъективности инсай-

дерев, особенно верующих, при восприятии объективной реальности событий. Собственно говоря, сама объективность этой реальности должна быть поставлена под вопрос, ибо мы никогда не имеем дело с самим событием, но всегда — с событием, увиденным через экран сознания.

Относительно влияния событий на интимную жизнь акторов ответы распределились таким образом: девять респондентов отрицают такое влияние, один полагает, что его интимная жизнь не очень изменилась, шестеро отказались отвечать на этот вопрос, четырнадцать подтверждают влияние событий на их интимную жизнь.

Из числа респондентов, фиксирующих изменения, четверо пояснили, что события интимной жизни стали происходить реже, двое из них уточняют: “реже, но эмоционально насыщенные”. У одного респондента интимная жизнь “абсолютно не изменилась”. Приведем и дополнительный комментарий: “Статус мужчины поменялся для меня. Раньше мужчина был для меня — это стабильность в семье. Сейчас мужчина — это немного воин. Сексуальные предпочтения отдала бы не бизнесмену, а человеку в форме”.

Что ж, вполне логично и достаточно предсказуемо. Если нынешняя ситуация продлится, то в нашу жизнь снова придет “человек с ружьем”. Каким он будет и как надолго поселится в нашем доме? Это тема отдельного исследования.

В некоторых случаях погруженность в события способна не только усилить, но даже изменить ощущение национальной идентичности актора. Среди наших респондентов такое изменение произошло в трех случаях.

На мой взгляд, весьма поучителен “крик души” респондента, сменившего украинскую идентичность на русскую: “Хотя я сперва был за Украину и на местном референдуме голосовал за единую Украину, но мнение резко поменялось после того, как Украина начала бомбить Луганск. Столько людей погибло, ни в чем не повинных, столько было разрушено домов, заводов, магазинов, одним словом, инфраструктура была разрушена. И своего мнения я буду придерживаться, что бы там на территории Украины ни говорили про нас: что мы террористы, сепаратисты, бандиты, что у нас нет работы, что цены бешеные. ... Да, нам сейчас тяжело, но мы прорвемся”.

Колесания следующего респондента относительно своей идентичности носят экзистенциальный характер: “Мне очень дорога Россия — страна моих любимых поэтов и моего любимого языка. ... Однако большинство моих близких было настроено за Украину, и я, понимая, что это ближе к объективности, примкнула к ним. Все же я была ни там, ни здесь, так как сторонникам обеих сторон говорила прямо, что не разделяю их позиций, особенно когда они радовались успехам военных, что для меня означало торжество *ничто*, смерти. Из этого всего следует, что я хоть и считала себя в то время украинкой, но все же ею не была. Я находилась как раз на границе бытия украинцем и бытия русским, не в силах совершить этот мерзкий выбор”. Душается, наилучшим комментарием здесь будет “без комментариев”.

Выводы

По вполне понятным причинам выводы носят предварительный характер. Большинство респондентов осознают происходящее как единое целое: либо как одно событие, либо как цепь связанных событий. Главным факто-

ром, конституирующим целостность события/событийной цепи, они полагают единство замысла, плана, осуществляемого в реальной событийности. Объективная детерминация событий как фактор их единства оттесняется на второй план.

Гипотеза об искажениях хронотопических параметров события в сознании акторов не получила подтверждения. Около половины респондентов отрицают феномен сжатия/растяжения времени в кульминациях событий. В то же время можно говорить о трансформации восприятия “большого” времени сквозь оптику происходящих событий. Отдаленное прошлое окрашивается в ностальгические тона, отдаленное будущее — в тревожные.

События, несомненно, радикализируют сознание акторов. Их оценки поляризуются, становятся более категоричными. Но некоторые акторы, наоборот, становятся более толерантными, осознают необходимость понимания точки зрения *Другого*. В большинстве случаев близкое и дальнее социальное окружение четко разделяется на “наших” и “не наших”, “друзей” и “врагов”. Мир мыслится в образе баррикады.

Эмоционально-ценностное отношение к событию характеризуется высокой интенсивностью. События воспринимаются в основном негативно, зачастую — резко негативно. В редких случаях активные участники событий воспринимают происходящее как в высшей степени позитивное, как “горнило” духовно-нравственного очищения общества.

Динамика ожиданий колеблется от надежды к разочарованию в зависимости от хода и результатов событий. Нередко наблюдается резкая фрустрация, вызванная несовпадением ожиданий и результатов событий, причем эта фрустрация свойственна обеим сторонам противостояния.

Большинство инсайдеров отличается социальной пассивностью. Они стремятся “уйти”, “спрятаться” от событий. Свое неучастие в событиях инсайдеры чаще всего обосновывают погруженностью в семейно-бытовые проблемы. Приоритет семейно-родственных ценностей — это своего рода индульгенция, дающая право инсайдеру не участвовать в событиях. Также инсайдеры оправдывают “бегство от событий” состоянием здоровья, тем, что направить ход событий в надлежащее русло — это дело властей, неверием в возможность что-либо изменить, априорной бессмысленностью политической жизни. В подавляющем большинстве случаев они не испытывают чувства вины за случившееся, воздвигая в своем сознании мощный экран самооправдания.

Чувство вины в большей степени свойственно активным участникам событий. Иногда оно принимает форму самобичевания: актер полагает, что недостаточно активно противодействовал антагонистической стороне, “сделал не все, что возможно”. Участниками событий оказываются люди, изначально высоко мотивированные, с активной жизненной позицией, те, для которых мир политики и ранее был значим, иногда весьма значим. Степень их участия в событиях возрастает пропорционально силе воздействия противоборствующей стороны.

Большинство акторов отрицают, зачастую категорически, роль случайностей в событиях. В соответствии с этим большинство характеризуют ход и результаты событий как predetermined. При этом иногда наблюдается противоречие в оценках соотношения predeterminedности и случайности: признавая predeterminedность, человек в то же время высоко оценивает

роль случайностей; в других случаях, отрицая предопределенность, в то же время отрицает случайность. Роль случайностей в большей степени отрицается на уровне руководства и планирования событий. Участники событий обнаруживают большую противоречивость по сравнению с наблюдателями при оценке соотношения предопределенности хода событий и влияния действий акторов на этот ход.

Почти все акторы признают существенную роль информации в восприятии событий. При этом многие акторы признают, что отличить правду от лжи трудно, а иногда и невозможно. Однако, несмотря на впечатляющие успехи манипулятивных технологий, более половины респондентов настаивают на возможности такого различия. Участники событий в большей степени уверены в своей способности противостоять дезинформации, чем наблюдатели. Основными способами различия правды и лжи акторы считают сопоставление и анализ данных из разных информационных источников, сопоставление информации, полученной из СМИ с личными наблюдениями и собственно личные наблюдения. Высокая степень дезинформации с обеих сторон вызывает у некоторых акторов гиперкритицизм по отношению к любой информации СМИ и даже к личным наблюдениям.

События оказывают существенное влияние на повседневную жизнь акторов. У активных участников они кардинально меняют ее. Наблюдатели обнаруживают тенденцию “спрятаться” в повседневность от разрушительной силы событий, но эта тенденция далеко не всегда венчается успехом. При этом в сознании некоторых акторов реалии повседневной жизни существенно искажаются сквозь призму событий.

В целом события: а) угнетают; б) радикализируют; в) мобилизуют; г) искажают сознание и поведение акторов и инсайдеров.

Источники

Балакірева О.М. Оцінки населенням України АТО на Донбасі / О.М. Балакірева, Д.А. Дмитрук // Український соціум. — 2014. — № 3(50). — С. 128–137.

Головаха Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. — К.: Наук. думка, 1984. — 208 с.

Порядок и хаос: новые вызовы для украинского государства и общества // Збірник доповідей Інституту стратегічних досліджень “Нова Україна” за 2016 рік; ч. 1. — Кіровоград: ТОВ “Імекс-ЛТД”, 2016. — С. 60–106.